

Первые люди на Луне

Три тысячи стадий от Земли до Луны...
Не удивляйся, приятель, если я буду говорить тебе о надземных и воздушных материях. Просто я хочу рассказать по порядку мое недавнее путешествие.

«Икароменипп» Лукиана

ГЛАВА I

Мистер Бедфорд встречается с мистером Кейвором в Лимпне

Когда я сажусь писать здесь, в тени виноградных лоз, под синим небом Южной Италии, мне кажется почему-то, что мое участие в необыкновенных приключениях мистера Кейвора было чисто случайным. Несомненно, так это и было. Я впутался в эту историю в то время, когда я меньше всего думал о каких-либо приключениях. Я приехал в Лимпн, считая это место самым тихим и спокойным в мире. «Здесь, во всяком случае, — говорил я себе, — я найду покой и возможность работать».

И в результате — эта книга. Так разбивает судьба все наши планы.

Быть может, здесь уместно упомянуть, что еще недавно мои дела были очень плохи. Теперь, живя в богатой обстановке, даже приятно вспомнить о нужде. Допускаю даже, что до некоторой степени я сам был виновником моих бедствий. Вообще я не лишен способностей, но коммерческие операции не для меня. Но в то время я был молод и самонадеян; я молод еще и теперь, но после всех пережитых мной приключений стал гораздо серьезней, хотя вряд ли это научило меня благоразумию.

Едва ли нужно вдаваться в подробности спекуляций, в результате которых я попал в Лимпн, в Кенте.

Коммерческие дела связаны с риском, и я рискнул. В этих делах все сводится к тому, чтобы отдавать и брать, мне же пришлось в конце концов лишь отдать. Когда я уже почти все ликвидировал, явился неумолимый кредитор. Может быть, вы встречали таких неумолимо добродетельных людей или попадали в их лапы. Он жестоко разделался со мной. Я решил написать пьесу, чтобы не стать на всю жизнь клерком. У меня есть воображение и вкус, и я решил бороться с судьбой. Я верил не только в свои коммерческие способности, но и считал себя талантливым драматургом. Писание пьес казалось мне делом очень выгодным, и это еще более окрыляло меня. Мало-помалу я привык смотреть на эту ненаписанную драму как на запас про черный день. Скоро этот черный день настал, и я засел за работу.

Однако оказалось, что сочинение драмы потребует большего времени, чем я предполагал; сначала я клал на это дело дней десять; прежде всего необходимо иметь «*ried-à-terre*»¹, поэтому я и приехал тогда в Лимпн. Мне удалось найти небольшой одноэтажный домик, который я и нанял на три года. Я расставил там кое-какую мебель и решил сам готовить себе еду. Моястряпня шокировала бы, конечно, миссис Битон, хотя готовил я недурно и с комфортом. У меня были две кастрюли для варки яиц и картофеля, сковородка для сосисок и ветчины и кофейник. Не всем доступна роскошь, но устроиться скромно можно всегда. Кроме того, я запасся восемнадцатигаллонным ящиком пива, — в кредит, конечно, — и отпускающий на веру булочник являлся ко мне ежедневно. Разумеется, устроился я не как сибарит, но у меня бывали и худшие времена. Я немного беспокоился о булочнике, очень славном малом, однако надеялся, что сумею с ним расплатиться.

¹ Временное помещение (*фр.*).

Без сомнения, для любителей уединения Лимпн — самое подходящее место. Он расположен в глинистой части графства Кент, и мой домик стоял на краю старого приморского утеса, откуда за отмелью Ромни-Марш видно море. В ненастную погоду место это почти неприступно, и я слышал, что иногда почтальону приходится перебираться через болота на ходулях. Хотя я не видел сам, но верю этому. Перед дверями лачуг и домишек деревни торчат воткнутые в землю березовые веники для очистки обуви от налипшей глины.

Я думаю, что это место осталось бы необитаемым, если бы не наследие давно минувших времен. Здесь когда-то, в эпоху Римской империи, была большая гавань, Портус Леманис; теперь же море отступило на целые четыре мили. У подножия крутого холма сохранились камни и кирпичи римских построек, и старинная Уотлинг-стрит, до сих пор еще местами замощенная, прямая как стрела, тянется на север.

Я часто стоял на холме и думал о кипевшей здесь некогда жизни, о галерах и легионах, о пленниках и начальниках, о женщинах и торговцах, о спекулянтах вроде меня, о сутолоке и шуме в гавани.

А теперь кучи мусора на заросшем травой скате холма, пара овец да я!

Там, где была гавань, расстилается теперь, вплоть до отдаленного Дандженеса, болотистая равнина с редкими метелками деревьев да церковными башнями старых средневековых городов, сменивших приморский Леманис.

Вид на болото один из самых красивых, какие мне случалось встречать. Дандженес находится отсюда миль в пятнадцати: он кажется плотом в море, а далее к западу виднеются холмы Гастингса. Иногда они отчетливо вырисовываются на горизонте, иногда же бывают подернуты дымкой, и часто в туманную погоду их

совсем не видно. Вся равнина исполосована плотинами и канавами.

Окно, у которого я работал, выходило в сторону холмов, и из этого окна я впервые увидел Кейвора. Я корпел над сценарием, стараясь сосредоточиться на трудной работе, и, естественно, Кейвор привлек к себе мое внимание.

Солнце уже закатилось, небо окрасилось в желтый и зеленый цвета, и на фоне заката вдруг появилась темная странная фигурка.

Это был низенький, кругленький, тонконогий человек с порывистыми движениями; костюм его состоял из пальто, брюк и чулок, как у велосипедиста, и шапочки, как у игроков в крикет. Зачем он так нарядился — не знаю, он никогда не ездил на велосипеде и не играл в крикет. Вероятно, это вышло случайно. Он размахивал руками, подергивал головой и жужжал, жужжал, как мотор. Вы, наверно, никогда не слышали такого жужжания. Иногда он прочищал себе горло, громко откашливаясь.

Недавно прошел дождь, и порывистость его походки усиливалась от скользкой тропинки. Встав прямо против солнца, он остановился, вынул часы и постоял с минуту. Потом судорожно повернулся и поспешно пошел назад, не размахивая больше руками, но широко шагая длинными ногами, которые казались еще уродливей от прилипшей к подошвам глины.

Это случилось как раз в день моего приезда, когда я всецело был поглощен своей пьесой, и я досадовал, что потерял из-за этого чудака пять драгоценных минут. Я снова принялся за работу. Но когда на следующий день явление повторилось с поразительной точностью и стало повторяться регулярно каждый вечер, я уже не мог более сосредоточиться над сценарием. «Это не человек, а какая-то марионетка», — подумал я с досадой, проклиная его от всего сердца.

Скоро досада сменилась удивлением и любопытством. Зачем он это проделывает? На четырнадцатый вечер я не выдержал и, как только незнакомец появился, открыл французское окно, прошел через веранду и направился к тому месту, где он обычно останавливался.

Когда я подошел, он держал в руке часы. У него было широкое красное лицо с красноватыми карими глазами, — раньше я видел его лишь против света.

— Одну минуту, сэр, — сказал я, когда он повернулся.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Одну минуту, — промолвил он, — извольте. Если же вы желаете говорить со мной дольше и не будете задавать слишком много вопросов — ваша минута уже прошла, — то не угодно ли вам проводить меня?

— Охотно, — ответил я, поравнявшись с ним.

— Я очень занят. Время для бесед у меня ограничено.

— Вы сейчас прогуливаетесь?

— Да, я прихожу сюда любоваться закатом солнца.

— Не думаю.

— Сэр!

— Вы никогда не смотрите на закат.

— Никогда не смотрю?

— Никогда. Я наблюдал за вами тринадцать вечеров подряд, и ни разу вы не смотрели на закат солнца, ни разу.

Он сдвинул брови, как бы решая какой-то вопрос.

— Все равно я наслаждаюсь солнечным светом, атмосферой, я гуляю по этой тропинке, через те ворота, — он кивнул головой в сторону, — и затем...

— Нет, вы никогда так не ходите. Это неправда. Сегодня вечером, например...

— Сегодня вечером! Я только что взглянул на часы и, увидев, что прошло уже три минуты сверх положен-

ного получаса, решил, что уже поздно гулять, и пошел назад.

— Но вы постоянно так делаете.

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Может быть. Я подумаю об этом... Но о чем вы желали поговорить со мной?

— Вот именно об этом.

— Об этом?

— Да, зачем вы это делаете? Каждый вечер вы приходите сюда жужжать.

— Жужжать?

— Вы жужжите вот так.

И я изобразил его жужжание.

Он посмотрел на меня: очевидно, жужжание ему не понравилось.

— Разве я так делаю?

— Каждый вечер.

— Я не замечал. — Он остановился и посмотрел на меня серьезно. — Неужели, — сказал он, — у меня уже образовалась привычка?

— Похоже на то. Не правда ли?

Он оттянул нижнюю губу двумя пальцами и уставился в лужу у своих ног.

— Я все время напряженно думаю, — сказал он. — Хотите знать почему? Уверяю вас, сэр, что я сам не знаю, почему я это делаю, даже не знаю, что делаю это. Вы говорите правду: я никогда не заходил дальше этого поля... И это мешает вам?

Я несколько смягчился.

— Не мешает, — сказал я. — Но вообразите, что вы пишете пьесу.

— Не могу этого вообразить.

— Ну тогда вообразите, что занимаетесь чем-нибудь, что требует сосредоточенности.

— Да, конечно, — сказал он и задумался.

Он казался огорченным, и я смягчился еще больше. К тому же с моей стороны было довольно невежливо требовать от незнакомого человека объяснений, зачем он гуляет в общественном месте.

— Вы видите, — сказал он робко, — это привычка.

— Вполне согласен с вами.

— Я должен это прекратить.

— Зачем же, если это вам нравится. Притом же я не так уж занят, это совсем не обязательно.

— Вовсе нет, — возразил он, — вовсе нет. Я очень обязан вам. Мне следует воздержаться от этого. Я постараюсь. Могу я попросить вас воспроизвести еще раз это жужжание?

— Вот так, — сказал я, — «жужу, жужу»... Но знаете...

— Я очень вам обязан. Действительно, я очень рассеян. Вы правы, сэр, совершенно правы. Да, я вам очень обязан. Это прекратится. А теперь, сэр, я уже увел вас дальше, чем следует.

— Надеюсь, вы не обиделись...

— Нисколько, сэр, нисколько.

Мы посмотрели друг на друга. Я приподнял шляпу и пожелал ему доброго вечера. Он порывисто раскланялся, и мы разошлись.

У изгороди я оглянулся на удалявшегося знакомого. Его манеры резко изменились: он шел прихрамывая, съежившись. Этот контраст с его оживленной жестикуляцией, с жужжанием почему-то растрогал меня. Я наблюдал за ним, пока он не скрылся из виду, затем поспешно вернулся в домик, к своей пьесе.

Следующие два вечера он не появлялся. Но я думал о нем и решил, что как комический тип чудака он мог бы, пожалуй, войти в мою пьесу. На третий день он зашел ко мне.

Сначала я недоумевал, почему он пришел: он вел безразличный разговор самым официальным образом,

затем вдруг перешел к делу. Он желал купить у меня домик.

— Видите ли, — сказал он, — я нисколько не сержусь на вас, но вы нарушили мою старую привычку, мой дневной распорядок. Я гуляю здесь уже много лет — годы! Без сомнения, я жужжал... Вы сделали это невозможным.

Я заметил, что он мог найти другое место для прогулок.

— Нет. Здесь нет другого такого места. Это единственное. Я уже справлялся. И теперь после обеда я не знаю, куда мне идти.

— Ну, дорогой сэр, если это так важно для вас...

— Чрезвычайно важно. Видите ли, я... я — исследователь. Я занят научными изысканиями. Я живу... — Он запнулся. — Вон там, — добавил он, указывая рукой и чуть не попав мне в глаз, — в том доме с белыми трубами, за деревьями. И окружающая меня обстановка ужасна. Я накануне одного из важнейших открытий, уверяю вас, накануне одного из важнейших открытий, какие когда-либо были сделаны. Для этого нужна сосредоточенность, покой, энергия. И послеобеденное время было для меня наиболее плодотворным, у меня возникали новые идеи, новые точки зрения.

— Но почему же вам не приходиться сюда по-прежнему?

— Теперь это совсем не то. Я уже не могу забыть. Я буду думать, что вы отрываетесь от вашей пьесы и следите за мной, и я не смогу сосредоточиться на своей работе... Нет! Мне необходим этот домик.

Я задумался. Конечно, мне нужно взвесить предложение, прежде чем ответить что-либо решительное. Я тогда был вообще склонен к аферам, и продажа показалась мне заманчивой. Но, во-первых, домик был не мой, даже если бы я продал его за хорошую цену, я не

смог бы его передать, так как домохозяин пронюхал бы об этой сделке; во-вторых, я был обременен долгами. Очевидно, это было очень щепетильное дело. Кроме того, возможно, что Кейвор сделает какое-нибудь важное открытие, — это также интересовало меня. Мне хотелось расспросить подробнее об его изысканиях — не из корыстных целей, а просто потому, что я рад был отдохнуть от своей пьесы.

Я начал расспрашивать.

Он оказался словоохотлив, и скоро наша беседа превратилась в монолог. Он говорил как человек, долго сдерживавшийся и наконец прорвавшийся, говорил без умолку почти целый час, и я должен сознаться: слушать его было нелегко. Но все же я был доволен, что нашел предлог не работать. В это первое свидание я мало что понял в его работе. Половина его слов состояла из технических терминов, совершенно для меня непонятных, некоторые же пункты он пояснял мне при помощи элементарной (как он говорил) математики, записывая вычисления чернильным карандашом на конверте. «Да, — говорил я, — да-да... Продолжайте». Тем не менее я убедился, что это не шарлатан. Несмотря на чудаковатый вид, в нем чувствовалась сила. Во всяком случае, из его планов может что-нибудь выйти. Он рассказывал, что у него есть мастерская и три помощника, простых плотника, которых он приспособил к делу. А ведь от мастерской до бюро патентов всего один шаг. Он пригласил меня побывать у него в мастерской, на что я охотно согласился. Продажа моего домика была отложена под благовидным предлогом.

Наконец он собрался уходить, извиняясь за продолжительный визит. Беседа о своей работе, по его словам, для него редкое удовольствие. Не часто приходится встретить такого образованного слушателя, как я. С профессиональными же учеными он не общается.

— Они так мелочны, — жаловался он, — такие интриганы! В особенности когда возникает новая интересная идея... Я не хочу быть несправедливым, но...

Я человек импульсивный и сделал, может быть, недобдуманное предложение. Но вспомните, что я сидел в одиночестве в Лимпне над пьесой уже две недели и чувствовал себя виноватым в том, что нарушил его прогулки.

— А почему бы, — предложил я, — не завести вам новой привычки — бывать у меня — вместо старой, которой я помешал? По крайней мере, до тех пор, пока мы не решим вопроса о продаже дома. Вам нужно обдумывать вашу работу, что вы делали всегда во время вашей послеобеденной прогулки. К сожалению, прогулки эти расстроились. Так почему бы вам не приходиться ко мне поговорить о вашей работе, пользуясь мною как стеной, в которую вы можете бросать, как мячик, свои мысли и ловить их? Я не настолько сведущ, чтобы похитить вашу идею, и у меня нет знакомых ученых.

Он задумался. Очевидно, мое предложение ему понравилось.

— Но я боюсь наскучить вам, — сказал он.

— Вы думаете, я настолько туп?

— О нет, но технические подробности...

— Вы очень заинтересовали меня сегодня.

— Конечно, это было бы полезно для меня. Ничто так не выясняет идей, как изложение их другим. До сих пор...

— Ни слова больше, сэр...

— Но можете ли вы уделять мне время?

— Лучший отдых — это перемена занятий, — глубокомысленно проговорил я.

Он согласился. На ступеньках веранды он обернулся и сказал:

— Я вам очень благодарен.

— За что?

— Вы излечили меня от смешной привычки жужжать.

Я ответил, что рад оказать ему хоть такую услугу, и он ушел.

Но, вероятно, поток мыслей, вызванный нашей беседой, вновь увлек его. Он начал размахивать руками. Слабый отзвук его жужжания донесся до меня по ветру...

Но какое мне до этого дело?

Он явился на другой день и на третий и прочел две лекции по физике, к нашему обоюдному удовольствию. Он говорил с видом ученого знатока об «эфире», о «силовых цилиндрах», о «потенциале тяготения» и тому подобных вещах, а я сидел в другом кресле и повторял: «Да-да, продолжайте, я слежу за вашей мыслью».

Все это было ужасно трудно, но, кажется, он не подозревал, что я его совсем не понимаю. Иногда я готов был раскаяться в своей оплошности, но, во всяком случае, я радовался, что оторвался от этой проклятой пьесы. Подчас я начинал что-то смутно понимать, но мое внимание ослабевало. Я тупо смотрел на него и собирался вывести его в виде центральной комической фигуры в своей пьесе. Затем снова прислушивался.

При первом удобном случае я пошел посмотреть его дом, — довольно большой, небрежно меблированный, без всякой прислуги, кроме трех помощников. Стол его, так же как и частная жизнь, отличался философской простотой. Он пил воду, ел растительную пищу, вел размеренную жизнь. Но обстановка его дома от подвала до чердака походила на лавку какого-нибудь захолустного поселка. Комнаты нижнего этажа были наполнены станками и аппаратами, в пекарне и в котле прачечной горели горны, в подвале помещались динамо-машины, а в саду висел газометр.

Он показывал мне все это с доверчивостью и экспансивностью человека, долго жившего в одиночестве.

Его обычная замкнутость сменилась припадком откровенности.

Три его помощника были, что называется, «мастера на все руки». Добросовестные, хотя и малосведущие, выносливые, обходительные. Один, Спаргус, исполнявший обязанности повара и слесаря, был прежде матросом. Второй, Гиббс, был столяр, третий же, бывший садовник, занимал место главного помощника. Все трое были простые рабочие. Всю квалифицированную работу выполнял сам Кейвор. Они были еще более невежественны, чем я.

А теперь несколько слов о самом изобретении. Тут, к несчастью, возникает серьезное затруднение. Я совсем не ученый эксперт, и если бы попробовал излагать научным языком мистера Кейвора цель его опытов, то, наверно, не только спутал бы читателя, но и сам бы запутался и наделал бы таких ошибок, что меня поднял бы на смех любой студент-математик. Поэтому лучше передавать попросту свои впечатления, без всякой попытки облечься в тогу знания, носить которую я не имею никакого права.

Целью изысканий мистера Кейвора было такое вещество, которое должно бы быть непроницаемо (он употреблял какое-то другое слово, которое я позабыл, но этот термин верно выражает его мысль) для «всех форм лучистой энергии».

— Лучистая энергия, — объяснял он мне, — нечто подобное свету, или теплоте, или рентгеновским лучам, или электрическим волнам Маркони, или тяготению. Все эти лучи, — говорил он, — излучаются из центра и действуют на другие тела на расстоянии, отчего и происходит термин «лучистая энергия». Почти все вещества непрозрачны или непроницаемы для той или иной формы лучистой энергии. Стекло, например, проницаемо для света, но менее проницаемо для теплоты, так что его можно употреблять как ширму против огня;

квасцы проницаемы для света, но совершенно не пропускают теплоты. Раствор йода в двусернистом углеводе не пропускает света, но проницаем для теплоты. Он скрывает от нас огонь, но сообщает всю его теплоту. Металлы непроницаемы не только для света, но и для электромагнитных волн, которые легко проходят через раствор йода и стекло. И так далее.

Все известные нам вещества «проницаемы» для тяготения. Можно употреблять различные экраны для защиты от света, или теплоты, или электрической энергии Солнца, или от теплоты Земли; можно защитить предметы металлическими листами от электрических волн Маркони, но ничто не может защитить от тяготения Солнца или притяжения Земли.

Почему — это трудно сказать. Кейвор не видел причины, почему бы не могло быть такого преграждающего притяжения вещества, и я, конечно, ничего не мог ему возразить. Я никогда ранее не думал об этом. Он доказал мне вычислениями на бумаге (которые лорд Кельвин, или профессор Лодж, или профессор Пирсон, или какой-нибудь другой ученый, без сомнения, уразумели бы, но в которых я ничего не понимал), что не только подобное вещество возможно, но что оно должно удовлетворять известным условиям. Это была удивительная цепь логических рассуждений, хотя я и не могу их воспроизвести. «Да, — повторял я, — да, продолжайте». Достаточно сказать, что Кейвор полагал возможным сделать вещество, непроницаемое для притяжения, из сложного сплава металлов и какого-то нового элемента, кажется гелия, присланного ему из Лондона в запечатанных глиняных сосудах, без сомнения газообразного и разреженного, — жаль, что я тогда не делал заметок...

Но мог ли я тогда предвидеть, что они понадобятся?

Всякий человек, обладающий хоть малой долей воображения, поймет, как необычайно подобное веще-

ство, и разделит до некоторой степени мое волнение, когда я начал понемногу понимать туманные выражения Кейвора. Комическая история! Конечно, я не сразу понял, так как боялся, задавая ему вопросы, показать свое невежество.

Но, вероятно, никто из читателей не разделит моего волнения, потому что из моего бестолкового рассказа не видно, что это удивительное вещество будет найдено.

Я не помню, чтобы я уделял хотя бы один час в день своей пьесе после моего визита к Кейвору. Мое воображение было теперь занято другим. Казалось, что нет предела удивительным свойствам этого вещества. Какие чудеса, какой переворот во всем! Например, для поднятия тяжести, даже самой громадной, достаточно было бы подложить под нее лист нового вещества, и ее можно было бы поднять соломинкой.

Я представил себе применение этого вещества к пушкам и броненосцам, к военной технике, затем к судоходству, к железным дорогам, к строительному искусству — словом, ко всевозможным отраслям промышленности. Случай привел меня к колыбели новой эпохи, — а это была, несомненно, эпоха, — такой случай бывает однажды в тысячу лет. Последствия этого открытия бесконечны. Благодаря ему я снова могу стать дельцом. Мне мерещились акционерные компании с филиалами, синдикаты и тресты, патенты и концессии, — они растут и охватывают весь мир, соединяясь в одну огромную компанию. И я участвую во всем этом. Я решил действовать напрямик, хотя это и было рискованно.

— Мы накануне величайшего изобретения, какое когда-либо было сделано, — сказал я и сделал ударение на слове «мы». — Я приду завтра же работать в качестве вашего четвертого помощника.

Мой энтузиазм удивил его, но не возбудил никаких подозрений или враждебного чувства.

Очевидно, он недооценивал себя.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Вы это серьезно думаете? — спросил он. — А ваша пьеса! Как же быть с пьесой?

— К черту пьесу! — воскликнул я. — Дорогой сэръ, разве вы не видите, чего вы достигли? Разве вы не видите, куда ведет ваше изобретение?

Но это был лишь риторический оборот речи: он действительно ничего не видел. Этот чудак работал все время чисто теоретически. Если он и говорил о своем исследовании как о «важнейшем» из всех, какие только были в мире, то он просто подразумевал под этим, что его изобретение подведет итог множеству теорий и разрешит бесчисленные сомнения. Он думал о практическом применении нового вещества не более, чем машина, отливающая пушки. Такое вещество возможно, и он пытался добыть его.

Только и всего, *v'là tout*, как говорят французы.

Вне своей работы он был суший ребенок! Если он добьется своего, то вещество перейдет в потомство под названием кейворита или кейворина, он сделается академиком и портрет его будет помещен в журнале «Природа». Вот и все, о чем он мечтал! Он бросил бы в мир бомбу этого открытия, как какой-нибудь новый вид комара, если бы не я. И бомба лежала бы и шипела, такая же ненужная, как и прочие мелкие открытия ученых.

Когда я сообразил все это, настала моя очередь говорить. Кейвору пришлось только слушать и поддакивать. Я подпрыгивал от восторга, расхаживал по комнате, жестикулировал, как двадцатилетний юноша. Я говорил ему о его обязанностях и ответственности в этом деле, о наших обязанностях и ответственности. Я уве-

рял его, что мы приобретем столько богатств, что сможем произвести целый социальный переворот, сможем владеть и управлять всем миром. Я говорил ему о компаниях, и о патентах, и о сейфе для секретных бумаг, но все это интересовало его столько же, сколько меня его математика. На его небольшом красноватом лице появилось выражение смущения. Он пробормотал что-то о своем равнодушии к богатству, но я горячо стал ему возражать. Он на пути к богатству — и глупо отказываться. Я дал ему понять, что я за человек, сказал, что я обладаю опытом в коммерческих делах. Конечно, я умолчал о том, что я обанкротился, — ведь это была временная неудача, — и постарался объяснить, почему я при моих средствах веду такой скромный образ жизни. Скоро мы пришли к заключению о необходимости учредить компанию по монопольной продаже кейворита. Кейвор будет добывать его, а я буду рекламировать.

Я говорил «мы», «вы» — слова «я» как бы не существовало для меня.

Кейвор хотел, чтобы вся прибыль шла на дальнейшие изыскания, но об этом мы могли стовориться потом.

— Хорошо, хорошо, — поддакивал я. — Главное, надо добыть кейворит. Ведь это такое вещество, — восклицал я восторженно, — без которого не сможет обойтись ни один дом, ни одна фабрика, ни одна крепость, ни одно судно, — вещество более универсальное, чем патентованные медицинские средства! Каждое из десяти тысяч его возможных применений должно нас обогатить, Кейвор, сказочно обогатить!

— Теперь, — подтвердил Кейвор, — я начинаю понимать. Удивительно, как расширяешь горизонт в беседе с другим человеком!

— В особенности когда поговоришь с подходящим человеком.

— Я думаю, — сказал Кейвор, — что никто не питает отвращения к богатству. Однако... — Он запнулся. Я молча ждал. — Возможно, что нам не удастся добыть это вещество. А что, если это возможно только в теории, а на практике окажется абсурдом? Вдруг мы натолкнемся на препятствия...

— Мы преодолеем все препятствия! — решительно сказал я.

ГЛАВА II

Первое изготовление кейворита

Опасения Кейвора не оправдались. 14 октября 1899 года это сказочное вещество было изготовлено.

Забавно, что открытие произошло случайно, совершенно неожиданно для Кейвора. Он сплавил несколько металлов и еще что-то (я жалею, что не знаю состава) и намеревался оставить смесь на неделю, чтобы дать ей медленно остынуть. Если он только не ошибся в своих вычислениях, то последняя стадия процесса должна была наступить, когда температура приготовленного вещества понизится до шестидесяти градусов по Фаренгейту. Но случайно, без ведома Кейвора, между его помощниками разгорелся спор о том, кому смотреть за печью. Гиббс вздумал свалить эту обязанность на своего сослуживца, бывшего садовника, ссылаясь на то, что каменный уголь та же земля и, следовательно, не может входить в круг ведения столяра. Бывший садовник возражал, что каменный уголь — металл или руда и что его надо варить. Спаргус же настаивал на том, что это дело Гиббса, так как всем известно, что уголь — ископаемое дерево. Гиббс бросил засыпать уголь в печь, и никто другой этого не делал, а Кейвор был слишком погружен в разрешение некоторых интересных проблем о летательной кейворитной машине (пренебрегая

сопротивлением воздуха и некоторыми другими условиями) и поэтому не заметил, что в его лаборатории не все благополучно. И преждевременные роды его изобретения произошли в тот момент, когда он шел через поле к моему домику, чтобы побеседовать со мной за чаем. Я очень хорошо помню, как это случилось. Вода для чая уже кипела, и все было приготовлено. Услышав характерный звук жужжания Кейвора «жужу», я вышел на веранду. Его подвижная фигура вырисовывалась темным пятном на фоне заходящего осеннего солнца, а справа, из-за деревьев, окрашенных светом заката, выглядывали белые трубы его дома. Вдали, на горизонте, синели в дымке холмы Уилден; влево дымились туманом болотистая равнина. И вдруг...

Печные трубы взлетели на воздух, рассыпавшись щебнем кирпичей, за ними последовали крыша и разная мебель. Затем вспыхнуло белое пламя. Деревья кругом раскачивались, раскаляясь в щепы, летевшие к огню. Страшный громовой удар так оглушил меня, что я на всю жизнь оглох на одно ухо. Все стекла в окнах разлетелись вдребезги.

Я сделал несколько шагов от веранды по направлению к дому Кейвора, и меня подхватил вихрь.

Фалды моего пиджака взлетели мне на голову, и я помчался вперед прыжками, совершенно произвольно. В тот же самый момент изобретатель также был подхвачен ветром, закружился и покатился в вихре. Я видел, как колпак от одной из печных труб слетел на землю в шести ярдах от меня и понесся к центру взрыва. Кейвор, болтая ногами и размахивая руками, катился кубарем по земле, потом взлетел на воздух и со страшной быстротой понесся и исчез среди корчившихся от жара деревьев около своего дома.

Клубы дыма и пепла и полоса какого-то синеватого блестящего вещества взлетели к зениту. Большой обло-

мок забора промелькнул мимо меня, воткнулся в землю и упал плашмя, — самое худшее миновало. Воздушная буря стихла и превратилась в сильный ветер, и я убедился, что у меня целы ноги и я могу дышать.

Вся природа вокруг точно преобразилась. Спокойный отблеск заката потух, небо задернулось черными тучами, подул порывистый, резкий ветер. Я оглянулся, чтобы посмотреть, уцелел ли мой домик, затем направился к деревьям, где исчез Кейвор; сквозь их голые ветви блесло пламя горевшего дома. Я вошел в заросли, хватаясь за стволы, и долго искал Кейвора; наконец среди кучи бурелома и досок от забора я увидел что-то копошившееся на земле. Прежде чем я успел подойти ближе, какая-то темная фигурка встала и протянула окровавленные руки. На ней висели и развевались лохмотья.

В первую минуту я не узнал этой земляной глыбы, потом разглядел, что это Кейвор, облепленный грязью, в которой он вывалился. Он наклонился вперед против ветра, протирая глаза и отплевываясь. Потом протянул руку и, пошатываясь, сделал шаг мне навстречу. Его возбужденное лицо было перепачкано грязью. Он выглядел таким несчастным и жалким, что я очень удивился его замечанию.

— Поздравьте меня, — пробормотал он, — поздравьте меня!

— Поздравить вас? С чем?

— Я сделал это.

— Вы сделали? Отчего произошел взрыв?

Порыв ветра отнес его слова. Кажется, он сказал, что никакого взрыва не было. Ветер толкал нас, и мы невольно цеплялись друг за друга.

— Идемте ко мне! — крикнул я ему в ухо. Но он, очевидно, не расслышал и пробормотал что-то о трех «мучениках науки», о том, что «это ужасно».

Он думал, что три его помощника погибли при взрыве. К счастью, он ошибся. Как только он пошел ко мне, они отправились в соседний трактир обсудить за бутылкой спорный вопрос о печи.

Я вторично предложил Кейвору пойти ко мне, на этот раз он расслышал. Мы взялись под руку и пошли искать приюта под остатками моей крыши. Все рамы в окнах вылетели, более легкие предметы из мебели упали на пол, но большего вреда взрыв все же у меня в доме не причинил. К счастью, кухонная дверь устояла против напора, и посуда и утварь уцелели, даже керосинка не потухла, и я поставил на нее воду для чая. Сделав это, я вернулся к Кейвору выслушать его объяснения.

— Совершенно верно, — повторял он, — совершенно верно, я сделал это. Все идет отлично.

— Не может быть, — возразил я, — все идет отлично! Наверное, в округе на двадцать миль не уцелело ни одного стога сена, ни одного забора, ни одной соломенной крыши.

— Все идет отлично. Конечно, я не предвидел этого небольшого взрыва. Я был поглощен другой проблемой и не обратил внимания на эти побочные практические результаты. Но все идет отлично.

— Но, дорогой, — воскликнул я, — разве вы не видите, что причинили убытков на тысячу фунтов стерлингов?

— Конечно, я не практик, но не думаете ли вы, что они примут этот взрыв за циклон?

— Однако взрыв...

— Это был не взрыв. Все объясняется очень просто. Я не предусмотрел некоторых мелочей. Это вроде моего жужжания, только в более широком масштабе. По недосмотру я приготовил это новое вещество, этот кейворит, в виде тонкого и большого листа... — Он заппнулся. — Вы знаете, что вещество это не подвержено

силе тяготения, что оно преграждает взаимное притяжение между телами?

— Да-да, — подтвердил я.

— Как только кейворит достигает температуры шестидесяти градусов по Фаренгейту и процесс его выработки заканчивается, то воздух, часть кровли, потолок, пол перестают иметь вес. Вам известно, это каждый знает, что воздух имеет вес, что он давит на всякий предмет, на поверхность земли, производит давление по всем направлениям с тяжестью, равной четырнадцати с половиной английским фунтам на квадратный дюйм.

— Знаю, продолжайте.

— И я тоже знаю, — заметил он, — однако это доказывает, как бесполезно знание, если не применять его на практике. Итак, над нашим кейворитом (теперь это уже прошло) давление воздуха сверху прекратилось, воздух же по сторонам кейворита продолжал давить с силою четырнадцати с половиной фунтов на каждый квадратный дюйм того воздуха, который вдруг сделался невесомым. Вы понимаете? Воздух, окружающий кейворит, сдавил воздух над ним с непреодолимой силой. Воздух над кейворитом, насильно вытесняемый, должен был подниматься, притекший же ему на смену воздух с боков тотчас же терял вес, переставал производить давление, следовал за предыдущим кверху, пробил потолок, сбросил крышу... Таким образом, возник как бы атмосферный фонтан, печная труба в атмосфере, и если бы кейворит не был подвижным и воздух продолжал все время втягиваться в трубу, то что произошло бы? Как вы думаете?

Я подумал.

— Полагаю, что воздух устремлялся бы все выше и выше над этим адским листом, уничтожающим силу тяготения.

— Совершенно верно, — подтвердил он, — исплинский фонтан...

— Бьющий в небесное пространство. Через него улетучилась бы вся земная атмосфера. Он лишил бы земной шар воздуха. Все люди погибли бы. И все это наделал бы один кусок этого вещества.

— Не совсем так: атмосфера не рассеялась бы в небесном пространстве, — сказал Кейвор, — но последствия были бы плохие. Воздух поднялся бы над Землей на тысячи миль. Потом он спустился бы обратно, но все живое задохнулось бы. С нашей точки зрения, это было бы немногим лучше, чем если бы он совсем не вернулся.

Я был ошеломлен и разочарован.

— Что вы теперь намерены делать? — спросил я.

— Прежде всего надо достать садовый скребок. Я хочу счистить с себя грязь, а потом, если позволите, принять у вас ванну. После этого мы побеседуем с вами. Мне кажется, — сказал он, положив грязную руку мне на плечо, — не следует ничего говорить об этом посторонним. Я знаю, что причинил много вреда, — вероятно, пострадали и все дома в окрестности. Но, с другой стороны, я не в состоянии заплатить за причиненный мной вред, и если причина катастрофы будет оглашена, то это поведет только ко всеобщему озлоблению и помешает моей работе. Нельзя предвидеть всего, а я не могу считаться с практическими последствиями при моих теоретических работах. Позднее при вашем практическом уме, когда кейворит пойдет в ход и осуществятся все наши предположения, мы сможем уладить дело с этими людьми. Но только не теперь, но только не теперь! Если не будет никакого другого объяснения, то публика при современном неудовлетворительном состоянии метеорологии припишет все циклону. Быть может, устроят даже подписку, и так как мой дом сгорел, то и я получу приличную сумму, которая очень пригодится для продолжения наших опытов. Но если узнают, что я виновник всего, то, конечно, не будет ни-

какой подписки, и у меня уже не будет возможности работать спокойно. Мои три помощника могли погибнуть или остаться в живых. Это не так важно. Если погибли, то виноваты сами. Они были усердные, но малоспособные работники, и взрыв произошел в значительной мере из-за их небрежности при уходе за печью. Если же они не погибли, то едва ли смогут объяснить, в чем дело. Они поверят рассказам о циклоне. Хорошо бы на время поселиться в одной из комнат вашего домика...

Он приостановился и посмотрел на меня вопросительно.

«Человек с такими способностями, — подумал я, — не совсем удобный жилец».

— Может быть, — сказал я уклончиво, — лучше всего сначала найти скребок. — И я повел его к остаткам оранжереи.

Пока он принимал ванну, я раздумывал о происшедшем. Ясно, что дружба с мистером Кейвором имеет свои неудобства, которых я раньше не предвидел. Его рассеянность, которая чуть было не погубила население земного шара, может во всякую минуту привести к какой-нибудь новой беде. С другой стороны, я нуждался в деньгах, был молод и склонен к смелым авантюрам. Я уже решил, что мне должна достаться по крайней мере половина прибыли от изобретения кейворита. К счастью, я снял домик на три года без ремонта, а вся моя мебель была куплена в долг и застрахована. В конце концов я решил не покидать Кейвора и посмотреть, чем это все кончится. Конечно, положение теперь сильно изменилось. Я не сомневался более в чудесных свойствах нового вещества, но у меня начало закрадываться сомнение насчет пригодности его для артиллерии и для патентованных сапог.

Мы дружно принялись за восстановление лаборатории, чтобы скорей приступить к опытам. Кейвор те-

перь больше применялся к уровню моих знаний при разговорах о том, как должно изготавливаться новое вещество.

— Разумеется, мы должны опять изготовить его, — заявил он весело. — Мы, может быть, потерпели неудачу, но мои теоретические соображения оказались правильными. Мы примем меры, чтобы избежать гибели нашей планеты. Но риск неизбежен. В исследовательской работе риск неизбежен, и вы должны помочь мне как практик. Мне кажется, что вещество лучше всего создать в виде узкой полоски, с каймой по краям. Впрочем, я еще не знаю. У меня есть смутное представление о другом методе, который я еще затрудняюсь формулировать. Но любопытно, что эта мысль пришла мне в голову в тот самый момент, когда я катился по грязи и не знал, чем все это кончится.

Нам пришлось довольно много провозиться над восстановлением лаборатории. Мы не сразу решили вопрос о том, как надо обставить вторичный опыт. Трое помощников были очень недовольны тем, что я стал старшим над ними. Но дело это удалось уладить, правда после двухдневного перерыва в работе.

ГЛАВА III

Сооружение шара

Я хорошо помню, как Кейвор развивал мне свою идею о шаре. Мысль об этом мелькала у него и раньше, но вполне ясно осознал он ее только в ту минуту. Мы шли ко мне пить чай, и дорогой Кейвор что-то бормотал про себя. Вдруг он вскрикнул:

— Конечно так! Это победа! Вроде свертывающейся шторы!

— Какая победа? — спросил я.

— Над пространством! Над Луной!

— Что вы этим хотите сказать?

— Что? Это должен быть шар. Вот что я хочу сказать!

Я понял, что от него не добиться толку, и не стал расспрашивать. Я не имел тогда ни малейшего представления о его плане. После чая он сам начал объяснять мне свой проект.

— В прошлый раз, — сказал он, — я вылил вещество, не подверженное силе тяготения, в плоский чан с крышкой, которая придерживала его. Как только вещество охладилось и процесс выплавки закончился, произошла катастрофа, — ничто над ним не имело веса: воздух устремился кверху, дом тоже взлетел, и если бы самое вещество не взлетело также, то неизвестно, чем бы это все кончилось. Но предположите, что вещество это ничем не прикреплено и может совершенно свободно подниматься.

— Оно тотчас улетело бы.

— Верно. И это произвело бы не больше смятения, чем какой-нибудь выстрел из пушки.

— Но какая была бы от этого польза?

— И я бы полетел вместе с ним.

Я отодвинул стакан с чаем и с изумлением посмотрел на моего собеседника.

— Представьте себе шар, — объяснял он мне, — довольно большой, чтобы вместить двух пассажиров с багажом. Он будет сделан из стали и выложен толстым стеклом; в нем будут содержаться достаточные запасы сжатого воздуха, концентрированной пищи, аппараты для дистиллированной воды и так далее. Снаружи стальная оболочка будет покрыта слоем...

— Кейворита?

— Да.

— Но как же вы попадете внутрь?

— Так же, как в пудинг.

— А именно?

— Очень просто. Нужен только герметически закрывающийся люк. Здесь это будет, конечно, несколько сложнее; придется устроить клапан, для того чтобы можно было в случае надобности выбрасывать вещи без большой потери воздуха.

— Как у Жюль Верна в «Путешествии на Луну»?

Но Кейвор не читал фантастических романов.

— Начинаю понимать, — сказал я. — И вы могли бы влезть туда и закрыть люк, пока еще кейворит теплый; когда же он остынет, он преодолеет силу тяготения, и вы полетите?

— По касательной.

— Вы полетите по прямой линии... — Я вдруг остановился. — Однако что может помешать этому полету по прямой линии, в пространство? — спросил я. — Вы не можете быть уверены, что попадете куда-нибудь, а если и попадете, то как вы вернетесь назад?

— Я только что думал об этом, — сказал Кейвор, — это-то я и подразумевал, когда воскликнул: «Победа!» Внутреннюю стеклянную оболочку шара можно устроить непроницаемой для воздуха и, за исключением люка, сплошной; стальную же оболочку сделать составной из отдельных сегментов, так что каждый сегмент может передвигаться, как у свертывающейся шторы. Ими нетрудно будет управлять при помощи пружин и подтягивать их или распускать посредством электричества, пропускаемого через платиновую проволоку в стекле. Все это вопрос деталей. Вы видите, что, за исключением штор, внешняя кейворитная оболочка шара будет состоять из окон или иллюминаторов, — называйте их, как хотите. Вот когда все эти окна или иллюминаторы будут закрыты, то никакой свет, никакая теплота, никакое притяжение или лучистая энергия не в состоянии будут проникать внутрь шара, и он полетит через пространство по прямой линии, как вы гово-

рите. Но откройте окно: вообразите, что одно из окон открыто! Тогда всякое тяготеющее тело, которое случайно встретится на пути, притянет нас.

Я сидел задумавшись.

— Вы понимаете? — спросил он.

— Да, понимаю.

— Итак, вы можете лавировать в пространстве по желанию, поддаваясь притяжению то одного, то другого тела.

— Да. Это довольно ясно. Только...

— Что?

— Только я не совсем понимаю, зачем мы будем делать это. Этот прыжок с Земли и затем обратно.

— Конечно. Можно, например, слетать на Луну.

— Но если мы попадем туда, что мы там найдем?

— Посмотрим... По новейшим данным науки...

— Есть ли там воздух?

— Может быть, и есть.

— Великолепная идея, — сказал я, — но не чересчур ли смелый замысел? Луна! Я предпочел бы не лететь сразу так далеко.

— Но это невозможно: нам помешает воздух.

— Почему бы не применить вашу идею о пружинных заслонках, кейворитных заслонках в крепких стальных ящиках для поднимания тяжестей?

— Этого нельзя сделать, — упорствовал Кейвор. — Путешествие в далекое пространство не более опасно, чем какая-нибудь полярная экспедиция. Отправляются же люди к полюсу.

— Только не деловые люди. И, кроме того, им хорошо платят за полярные экспедиции. Если там и случится несчастье, все-таки можно спастись. Но лететь в пространство, и ради чего?

— Хотя бы ради науки.

— Чтобы написать потом книгу...

— Я не сомневаюсь, что там есть минералы, — заметил Кейвор.

— Например?

— Сера, различные руды, золото, может быть даже новые элементы.

— Да, но стоимость перевозки... — возразил я. — Нет, вы не практичный человек. Ведь до Луны четверть миллиона миль.

— Мне кажется, перевозка любой тяжести обойдется недорого, если запаковать ее в кейворитный ящик.

Я не подумал об этом.

— Перевозка за счет покупателя, не так ли?

— Мы не ограничимся одной Луной.

— А именно?

— Есть еще Марс: прозрачная атмосфера, новая обстановка, приятное чувство легкости. Там очень хорошо.

— А воздух есть на Марсе?

— Конечно.

— Вы, кажется, хотите отправиться туда как в санаторий. Кстати, какое расстояние до Марса?

— Двести миллионов миль, кажется, — ответил весело Кейвор, — и пролетим близко от Солнца.

У меня опять разыгралась фантазия.

— Во всяком случае, — сказал я, — это очень интересно. Такое путешествие...

Передо мной открывались новые возможности. По всей Солнечной системе курсируют суда из кейворита, шары «люкс». Патент на изобретение, закрепленный на всех планетах. Я вспомнил старинную испанскую монополию на американское золото. Не на одной планете, а на всех сразу. Я пристально посмотрел на красное лицо Кейвора, и воображение мое точно запрыгало и заплясало. Я встал и зашагал по комнате и дал волю своему языку:

— Я понимаю, я понимаю. — Переход от сомнения к энтузиазму совершается у меня необычайно быст-

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА ЛУНЕ

Перевод М. Зенкевича

Глава I. Мистер Бедфорд встречается с мистером Кейвором в Лимпне.....	7
Глава II. Первое изготовление кейворита.....	23
Глава III. Сооружение шара.....	30
Глава IV. Внутри шара.....	39
Глава V. Путешествие на Луну.....	43
Глава VI. Высадка на Луну.....	49
Глава VII. Восход солнца на Луне.....	53
Глава VIII. Утро на Луне.....	57
Глава IX. Первые изыскания.....	61
Глава X. Заблудившиеся на Луне люди.....	70
Глава XI. Пастбища лунных коров.....	75
Глава XII. Лицо селенита.....	85
Глава XIII. Мистер Кейвор высказывает свои суждения.....	89
Глава XIV. Попытка объяснить.....	96
Глава XV. Головокружительный мост.....	101
Глава XVI. Различные точки зрения.....	111
Глава XVII. Сражение в пещере лунных мясников.....	120
Глава XVIII. В солнечном свете.....	129
Глава XIX. Мистер Бедфорд остается один.....	137
Глава XX. Мистер Бедфорд в бесконечном пространстве.....	147

Глава XXI. Мистер Бедфорд в Литлстоне	154
Глава XXII. Невероятное сообщение мистера Юлиуса Вендиджи	167
Глава XXIII. Краткий обзор шести первых сообщений мистера Кейвора	171
Глава XXIV. Естественная история селенитов	178
Глава XXV. Великий Лунарий	195
Глава XXVI. Последнее сообщение Кейвора на Землю	210

ПИЦЦА БОГОВ

Перевод Норы Галь

Книга первая. Рождение Пицци

Глава I. Открытие Пицци	215
Глава II. Опытная ферма	225
Глава III. Гигантские крысы	260
Глава IV. Гигантские дети	297
Глава V. Мистер Бенсингтон ступешывается	328

Книга вторая. Пицца в деревне

Глава I. Появление Пицци	342
Глава II. Гигантская обуза	365

Книга третья. Пицца приносит плоды

Глава I. Преображенный мир	383
Глава II. Влюбленные великаны	408
Глава III. Молодой Кэддлс в Лондоне	426
Глава IV. Два дня из жизни Редвуда	441
Глава V. Осажденный лагерь	461